

ЯЗЫК. СЕМИОТИКА. КУЛЬТУРА

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ

РУССКАЯ ДУХОВНАЯ МУЗЫКА
В ДОКУМЕНТАХ И МАТЕРИАЛАХ
Том IX

РУССКОЕ ПРАВОСЛАВНОЕ
ЦЕРКОВНОЕ ПЕНИЕ В XX ВЕКЕ:
СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Книга 1
1920 — 1930-е годы

Часть 1

Подготовка текста, вступительные статьи, комментарии
М. П. Рахманова

Научный консультант
А. А. Наумов

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2015

УДК 78.03(470-571)
ББК 85.318
Р 89

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект 15-04-16138

Р 89 Русская духовная музыка в документах и материалах. Т. IX. Русское православное церковное пение в XX веке: Советский период. Кн. 1: 1920—1930-е годы. Ч. 1 / Гос. ин-т искусствознания; подгот. текстов, вступит. ст. и коммент. М. П. Рахмановой; научный консультант А. А. Наумов. — М.: Языки славянской культуры, 2015. — 608 с., ил. — (Язык. Семиотика. Культура).

ISSN 1727-1630
ISBN 978-5-94457-245-5

Тема, подобная той, которой посвящен IX том серии «Русская духовная музыка в документах и материалах», до сих пор не ставилась как отдельная и самостоятельная, в охвате не только примыкающего к 1917 десятилетия, но всего исторического периода. Между тем, осмысление наследия советской эпохи в целом все отчетливее ныне осознается как одна из основных задач актуального искусствознания. Этот том — опыт приближения к огромной по объему и значению сфере, опыт первичного обобщения материала.

Ввиду объема публикуемых документов том делится на две книги, посвященные, соответственно, периоду между двумя мировыми войнами (в данном случае от 1917 — по начало 1940-х) и послевоенному (от 1943 до 1988, то есть празднования 1000-летия Крещения Руси).

В отличие от предыдущих томов РДМ в этой книге нет какой-либо единообразной формы подачи материалов классического типа: «вступление — текст — комментарии». Форму подачи здесь диктует характер имеющегося материала; это может быть и «чистая» публикация архивного (или опубликованного ранее) текста полностью со вступлением и комментариями, и извлечение из разных текстов необходимых фрагментов, и обзор с многочисленными цитатами, и проч. В любом случае мы старались подходить к текстам разных жанров с максимальной бережностью и, безусловно, с глубокой благодарностью к их авторам, здравствующим и почившим.

УДК 78.03(470-571)
ББК 85.318

На фронтиспise:
икона Новомучеников и Исповедников Российских.
Иконописец, Николай Папков

ISBN 978-5-94457-245-5

9 785944 572455 >

© М. П. Рахманова, подгот. текста, вступит. ст. и коммент., 2015
© Языки славянской культуры, оригинал-макет, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление	9
«С нами Бог!» Время. Люди. Деяния. Хроника 1917—1930-х годов	25

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

ЦЕРКОВНО-ПЕВЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ: 1920-Е

Города

Церковно-приходская жизнь Москвы	109
<i>Митрополит Виленский и Литовский Елевферий (Богоявленский).</i> Неделя в Патриархии	127
<i>Никита Окунев.</i> Дневник москвича	136
<i>Николай Розов.</i> О церковных хорах и диаконах в Ленинграде	148
<i>Николай Любимов.</i> Мудрые звуки	154
<i>Священник Павел Чехранов.</i> Две тюремные Пасхи	163
<i>Вера Корнеева.</i> Воспоминания о храме свв. Бессребреников Кира и Иоанна на Солянке	169
<i>Софья и Наталья Самуиловы.</i> Отцовский крест	173

Монастыри

Александро-Невское братство	196
Данилов монастырь	230
Киево-Печерская лавра	258

ПОРТРЕТЫ 1920-Х

Священник Василий Зиновьев (<i>Людмила Зуммер</i>)	274
<i>О. Василий Зиновьев.</i> Постановка хора (воспитание хора)	286
<i>Сергей Ляпунов (Владимир Миллер)</i>	302
<i>Александр Оленин:</i> народная литургия	321

ЦЕРКОВНО-ПЕВЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ: 1930-е

<i>Андрей Козаржевский. Церковно-приходская жизнь Москвы 1920—1930-х годов</i>	330
<i>Анатолий Свенцицкий. Невидимые нити</i>	335
<i>Протоиерей Анатолий Правдолюбов. Письмо к Геннадию Нефедову</i>	351

ПОРТРЕТЫ 1930-х

<i>Протоиерей Георгий Извеков</i>	374
<i>Владимир Иванов-Корсунский</i>	407

РЕГЕНТЫ И ХОРЫ

<i>Александр Смирнов. Воспоминания о Синодальном училище и хоре</i>	419
---	-----

Николай Данилин

<i>Биографическая хроника: 1917—1928</i>	433
<i>Александр Ведерников. Некролог</i>	438
<i>Воспоминания о Николае Данилине</i>	440
<i>Василий Постников. Перечень церковных песнопений с указанием композиторов, произведения которых исполнялись хорами под управлением Н. М. Данилина на службах в храмах Москвы</i>	450

Павел Чесноков

<i>Биографическая хроника: 1917—1928</i>	480
<i>Василий Алексеев. Юбилей П. Г. Чеснокова</i>	486
<i>Из писем Владимира Вильшау к Сергею Рахманинову</i>	489
<i>Павел Чесноков. Предисловие к 1-й части книги «Хор и управление им»</i>	492
<i>Андрей Каютов. Письма о духовном пении Павлу Чеснокову</i>	495
<i>Иван Юхов. Дневник хора (1924—1928)</i>	509
<i>Михаил Косаткин. Владимирский архиерейский хор и его деятели</i>	517
<i>Дмитрий Пышкин. Дневник старообрядческого певца</i>	529
ДУХОВНЫЕ КОНЦЕРТЫ: 1920-е	576

ВТОРАЯ ЧАСТЬ**ДИАКОНЫ**

<i>Александр Смирнов. Великий архидиакон</i>	619
<i>Никита Окунев. Дневник москвича</i>	626
<i>Михаил Губонин. [Великий Патриарший Архидиакон]</i>	631
<i>Михаил Макаров. Из жизни православной Москвы</i>	633
<i>Инок Дорофей (Рябинкин). Из воспоминаний</i>	647
<i>Василий Алексеев. Московские протодиаконы</i>	649
<i>Василий Алексеев. Московские проповедники</i>	658
<i>Анатолий Свенцицкий. Московские протодиаконы</i>	659
<i>Николай Любимов. Благовестники</i>	665
<i>Сергей Бирюков. Из пропасти забвения</i>	684
<i>Леонид Леонов. Из романа «Пирамида»</i>	690
<i>Приложение 1. Журнал Московской Патриархии: некрологи и юбилеи</i>	696
<i>Приложение 2. Материалы из архива К. В. Розова</i>	705

КОЛОКОЛА

<i>Павел Гидулянов. Церковные колокола на службе магии и царизма</i>	713
<i>Звонарь Павел Гедике</i>	719
<i>О. Сергей Дурылин. Москва</i>	720
<i>Андрей Козаржевский. Звуковой фон Москвы 1920—1930-х годов</i>	733
<i>Борис Пильняк. Красное дерево (фрагменты)</i>	735
<i>О. Сергей Дурылин. Колокола (фрагменты)</i>	737
<i>Приложение. Колокола Большого театра</i>	764

ИССЛЕДОВАТЕЛИ

<i>А. В. Преображенский в Петроградской/Ленинградской консерватории (Тамара Сквирская)</i>	768
<i>Протоиерей Василий Металлов. Христианское богослужение в связи со священным песнопением и церковной музыкой</i>	776

<i>Яков Богатенко. Материалы по изучению мелодической структуры знаменного крюкового пения</i>	783
<i>Константин Кузнецов. Древнерусское церковное пение</i>	802
ДЕЛО ДРАМСОЮЗА	811
ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ (ПОЛИКАРП КИРЕЕВ)	944
БОРЬБА С «ЦЕРКОВЩИНОЙ». ПРОЛЕТАРСКИЕ ЖУРНАЛЫ	956
<i>Александр Никольский. О стилях хорового пения: «церковном» и «светском»</i>	969
<i>Леонид Сабанеев. Музыка после Октября</i>	973
<i>Чистка в ГИМНе (из писем Я. А. Богатенко к В. В. Пасхалову)</i>	976
<i>Виктор Виноградов. Против церковщины в музыке</i>	982
<i>Александр Чаянов. Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской Утопии</i>	1007

НОТНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

<i>Яков Богатенко</i>	1019
<i>Протоиерей Георгий Извеков</i>	1027
<i>Владимир Иванов-Корсунский</i>	1041
<i>Александр Оленин</i>	1049
<i>Антирелигиозные сочинения</i>	1059

ВСТУПЛЕНИЕ

Тема данного тома в серии «Русская духовная музыка в документах и материалах» (далее — РДМ) необычайно интересна и в то же время необычайно сложна. Казалось бы, советская эпоха в жизни Русской Православной Церкви оставила мало исторических материалов, пригодных для публикации и осмысления, то есть работ о церковном пении, рецензий на выступления духовных хоров, размышлений об этом искусстве, писем церковно-музыкальных деятелей — того, что наполняло предшествующие тома серии. Однако «погружение в тему» постепенно стало открывать иное: оказалось, что исторические материалы на самом деле имеются, и их совсем не мало.

Пожалуй, на первый план здесь — наряду, конечно, с документами иного рода — выходят воспоминания об ушедшей эпохе. Особенность ситуации состоит в том, что отдельных, специальных текстов о церковном пении в советскую эпоху действительно не так уж много, гораздо больше — отдельных эпизодов, замечаний, оценок, скрывающихся в текстах церковной, и не обязательно церковной, мемуаристики. Редкие из мемуаристов пишут пространно и профессионально о собственном пении, хотя такие тоже есть, и среди них замечательные авторы — к примеру, знаменитый переводчик Николай Любимов, артист Малого театра Анатолий Свенцицкий, профессор Московского университета Андрей Козаржевский, а среди церковных людей — протоиерей Анатолий Правдолюбов, священник Сергей Желудков (их тексты широко представлены в настоящем томе). Гораздо чаще мемуаристы по ходу развертывания свитка своей жизни вспоминают о службе в том или ином храме, в том или ином городе или селе, в те или иные годы, и в числе прочего — о пении. Подобные эпизоды могут давать хотя и краткие, но очень важные, ценные штрихи к создаваемой общей картине. Правда, сложить из них убедительную «мозаику», конечно, непросто.

Неожиданно большим оказался нотный материал, оставленный советской эпохой; его объем вряд ли возможно сейчас определить с какой-либо точностью: хотя некоторая часть этого наследия нашла отражение в изданиях последних лет, все же очень многое существует пока в рукописном (и часто в невыявленном) виде — иногда в государственных хранилищах, чаще в архивах и нотных библиотеках разных храмов, монастырей, духовных учебных заведений, в личных собраниях. Во всяком случае, можно указать, что в списке агентства по авторским правам 1920-х годов, где имелась хоровая секция, зарегистрировано более сотни авторов духовных композиций (конечно, с разным объемом творчества; см. далее в разделе «Драмсоюз»); в очень большой и преимущественно рукописной библиотеке известного московского регента Василия Локтева, собиравшейся на протяжении 1920—1970-х годов и хранящейся ныне в Синодальной библиотеке, представлено около полутора сотен

современных собирателю авторов и т. д. Вообще же сохранившиеся до наших дней регентские, клиросные библиотеки — исключительно ценный источник не только для выявления созданных в советскую эпоху композиций, но и для воссоздания общего репертуара церковного пения в это время.

Работа над такими материалами по существу только начинается: важный почин был положен в конце 1990—2000-х годов изданием трех выпусков Трудов Московской регентско-певческой семинарии, несколько позже — работами выпускников Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, опубликованными преимущественно в периодике этого учебного заведения. Выдающееся значение имеют также статьи о регентах и композиторах советского периода, появляющиеся по мере выхода в свет очередных томов Православной энциклопедии (и здесь следует обязательно назвать автора целого ряда энциклопедических статей — Н. Ю. Плотникову). Мы стремились учесть все подобные публикации и упомянуть (а часто — и процитировать) их в соответствующих разделах обеих книг тома. Несомненно, однако, что здесь еще предстоит многолетняя собирательская деятельность, которая пока ведется все же разрозненно, главным образом частными усилиями отдельных регентов и исследователей в разных городах (некоторые из них принимали участие в осуществлении данного проекта, имена других непременно появятся на страницах обеих книг этого тома).

Конечно, православное церковное пение русской традиции развивалось в XX веке не только в России, но и за рубежом, в русской эмиграции. Но это — совершенно особая область, в целом активно разрабатываемая в последние десятилетия, хотя и, безусловно, далеко не исчерпанная. По русскому зарубежью материалов очень много, поскольку люди там свободно писали письма, печатали мемуары, существовало много периодических изданий, уделявших внимание церковной жизни, в том числе пению. Не все публиковалось, но часто сохранялось в разных архивах и ныне постепенно, тоже не без серьезных трудностей, становится доступным¹. Конечно, хотя ситуации «там» и «здесь» складывались совсем разные, было и общее, а именно исторический опыт певцов и регентов старшего поколения. Любопытный материал для размышлений могут дать сопоставления репертуаров отечественных церковных хоров с репертуарами церковно-певческого зарубежья. Вероятно, такие исследования — важная задача ближайшего будущего.

Особую тему, находящуюся как бы на скрещении «здесь» и «там», образует церковная жизнь и пение на оккупированных территориях в годы Второй мировой войны. Ныне такими исследованиями весьма плодотворно занимается С. Г. Зверева².

¹ См., например, недавно вышедшее обобщающее издание по этой проблематике: Русское зарубежье: музыка и православие. Междунар. науч. конф. / Сост. С. Г. Зверева. М., 2013.

² См., в частности: Зверева С. Г. Из истории русской музыкальной жизни в Смоленской, Минской и Псковской областях в годы немецкой оккупации // Музыкальное наследие в современном обществе. Материалы конференции 1—5 октября 2012 года / Сост. Т. В. Гинзбург. М., 2014. С. 261—272.

* * *

Хотелось бы сразу подчеркнуть: настоящее вступление (либо предисловие) к первой книге IX тома РДМ отнюдь не является аналитическим очерком по истории русского церковного пения всей советской эпохи или даже только периода между 1917 и 1941 — скорее это попытка наметить контуры, основные параметры. До некоторой степени и задачу тома в целом в известном смысле можно определить как попытку дать некую *хрестоматию* отобранных и прокомментированных текстов по основным направлениям темы, создать перспективу для дальнейших исследований.

В разных томах РДМ, начиная с первого, неоднократно появлялись «выходы» в советскую эпоху, что совершенно естественно, ибо многие люди, жившие и работавшие в конце XIX — в первые десятилетия XX века, продолжали жить и работать после 1917, а творческие явления, возникшие в начале XX века, находили то или иное продолжение в последующую эпоху. Среди подобных «выходов» можно упомянуть хотя бы опубликованные в I томе воспоминания «синодала» А. П. Смирнова о судьбах его товарищей по Синодальному училищу в советскую эпоху (эти воспоминания частично приводятся и в настоящей книге); публикацию в III томе большого фрагмента из книги А. В. Преображенского «Культовая музыка в России», созданной уже в 1920-е; многое из материалов, связанных с деятельностью А. Д. Кастальского и ее осмыслением современниками, в V томе, где имеется также аналитическая статья С. Г. Зверевой «О судьбах церковно-музыкального наследия после 1917 года»; целый ряд текстов советского периода будет опубликован и в VIII томе, посвященном многообразной деятельности А. В. Никольского.

И все же тема, подобная той, которой посвящен настоящий том, до сих пор не ставилась как *отдельная и самостоятельная*, а главное, в охвате не только примыкающего к 1917 десятилетия, но *всего исторического периода*. Между тем осмысление искусства советской эпохи в целом все отчетливее ныне осознается как одна из основных задач актуального искусствознания. Свидетельствами тому могут быть как целый ряд опубликованных исследований, состоявшихся выставок и проч., так и работа, которая ныне ведется в Государственном институте искусствознания в рамках проекта новой многотомной Истории русского искусства, куда входит несколько томов по советскому периоду XX века. Конечно, для нашей темы огромное значение имеют фундаментальные работы по истории Русской Церкви XX века, которые вышли в течение последних двух десятилетий и в которых, по словам автора многочисленных интереснейших публикаций на данную тему историка С. Л. Фирсова, «исследователи сумели достигнуть существенных высот в осмыслении недавнего прошлого Русской Православной Церкви»³.

---

³ Фирсов С. Л. Власть и огонь. Церковь и советское государство: 1918 — начало 1940-х. М., 2014. С. 424.

В эту замечательную книгу в виде «прибавления» включен большой историографический обзор церковно-исторической науки в 1990—2010-е годы, что избавляет нас от

Пытаясь охватить все стороны такого сложного и выходящего за пределы собственно искусства явления, каковым является церковное пение, необходимо учитывать, что пение всегда имело как «письменную», так и «устную» форму существования, а главное, что любая тема по церковному пению многосоставна, потому что оно никогда не существует само по себе, отражая и жизнь Церкви вообще, и конкретно богослужебную практику — в данное время и в данном месте, и вкусы духовенства, певцов, регентов, прихожан, и, наконец, — жизнь страны, государства. В советский период диктат государства был необычайно мощным, что сказывалось — и чаще всего сказывалось сокрушительным образом — на всех сторонах церковной жизни, в том числе на пении.

Если говорить о периодизации, то ясно, что первый период советской эпохи заканчивается в 1928—1929, совпадая со свертыванием нэпа⁴. Хотя буквально с первых месяцев после октябрьского переворота Церковь начала испытывать жестокие гонения, хотя в это время масса церковных людей была казнена, арестована, сослана, — все же «запрета на профессию» для регентов, певцов, композиторов тогда еще не было. И даже более того: в 1920-е годы количество служб с участием лучших хоров, певцов, регентов, количество духовных концертов в храмах резко выросло — и в столицах, и в провинции. Причин тому было много. Не последнюю роль играли причины материальные — необходимость дополнительного заработка в голодное время начала 1920-х, с одной стороны, свобода от каких-либо стеснений со стороны церковной власти — с другой. Но было в этом пышном цветении церковного и богослужебного искусства и нечто иное: предчувствие надвигающихся еще больших бед, когда люди, в том числе церковные певцы, стали находить в Церкви последнее прибежище.

Д. С. Лихачев вспоминал, например, о начале двадцатых годов в Петрограде:

Богослужения в оставшихся православными [то есть не обновленческих] церквях шли с особой истовостью. Церковные хоры пели особенно хорошо, ибо к ним примыкало много профессиональных певцов (в частности, из оперы Мариинского театра). Священники и весь причт служили с особым чувством. <...> Чем шире развивались гонения на церковь и чем многочисленнее становились расстрелы на «Гороховой, 2», в Петропавловке, на Крестовском острове, в Стрельне и других местах, тем острее и острее ощущалась всеми нами жалость к погибающей России⁵.

необходимости перечислять множество книг, сборников, статей, которые легли в основу настоящего тома — как необходимый его фундамент. Многие из этих работ упоминаются в комментариях к текстам тома. Часто особенно трудно бывало вычленив историю церковно-певческого искусства из общецерковной истории, и мы сознаем, что не всегда попытки подобного вычленения оказывались удачными.

⁴ «Новая экономическая политика» была провозглашена государством в 1921; ее свертывание начинается в 1928, юридическое прекращение — в 1931. Для церковного пения особенно важен рубеж 1928/1929, доказательства чему будут приведены далее.

⁵ Наше наследие. 1993. № 26. С. 35.

Поскольку рухнула всяческая цензура, в храмах можно было исполнять все, что хотелось причту, регентам и прихожанам. С другой же стороны, рухнула государственная поддержка Церкви, а следовательно, чтобы выжить и сохранить храм (малопосещаемый храм имел все шансы быть тут же закрытым советскими органами), причту и регентам приходилось думать о привлечении туда народа. С этой целью, в частности, проводились духовные концерты — с лучшими солистами, лучшими регентами во главе хора (такие концерты в Москве весьма поддерживал Патриарх Тихон — из просветительских соображений). А также служились во множестве особые торжественные службы — тоже с мыслью о привлечении народа, но, кроме того, и потому что множество духовенства осталось без мест (храмы были закрыты) и стекалось в Москву (или вообще в крупные города), в действующие церкви. Духовным концертам 1920-х и их программам посвящается в книге особый раздел.

В это время создавалось — и очень известными авторами, и, так сказать, второстепенными — довольно много новой музыки для клироса. Значительная ее часть (в виде разного рода списков) отражается в документах, сохранившихся в архивном фонде упомянутого выше агентства Драмсоюз (РГАЛИ). Там имеются также анкеты, в которых вступающие излагали свои биографии; всего было зарегистрировано, как уже говорилось, более ста авторов, в том числе очень известные — например, А. В. Никольский, о. Димитрий Аллеманов, Виктор Калинин, Н. С. Голованов, П. Г. Чесноков, К. Н. Шведов. Как ни удивительно, но до конца 1920-х члены Драмсоюза получали авторские отчисления от исполнения их песнопений в храмах.

Деятельность Драмсоюза была свернута к 1930. Несколько ранее, в 1928, музыканты с крупными именами вынуждены были уйти из Церкви. Так, профессора Московской консерватории Н. М. Данилин, П. Г. Чесноков, А. В. Александров дотянули «до последнего», регентуя в храмах. Далее они, а также еще один профессор консерватории — известнейший духовный композитор А. В. Никольский дали в каком-то виде (пока не прояснено, в каком именно) подписку в том, что не будут более регентовать и распространять свои духовные композиции, подразумевалось — не будут и сочинять новые⁶. Усилились и ранее проводившиеся так называемые чистки с последующими увольнениями «классово чуждых» из разных учреждений — учебных, научных и проч. (образцовое описание такого собрания в Государственном институте музыкальной науки читатель найдет в письме Я. А. Богатенко к В. В. Пасхалову в разделе «Борьба с “церковщиной”»). Музыканты, еще в середине 1920-х называвшие себя в анкетах «регентами» и «духовными композиторами», к концу десятилетия стали писать — «кружковод», «хоро-

---

⁶ Об этом прямо говорится в письме А. В. Никольского к Д. С. Семенову от 22 августа 1933: «К тому же с меня однажды было взято письменное обязательство не распространять своих культовых сочинений». Цит. по статье Д. С. Семенова о Никольском, помещенной в Словаре православного русского церковного пения (см. ниже).

вой работник» и проч., старались не упоминать о своих церковных композициях, а многие совершенно сменили род занятий. Работа над проектом позволила проследить судьбы целого ряда лиц, ранее остававшихся в неизвестности: впервые стало возможно опубликовать конкретные данные по нескольким десяткам персоналий церковных композиторов, а иногда также регентов и певчих.

Иной период — 1930-е годы, когда в связи с жестокими репрессиями закрытие храмов приобрело обвальный характер — становилось просто негде служить и петь, а к концу 1930-х — часто некому служить и петь.

Среди репрессированных в это время были конечно же регенты и певчие (а также бывшие священники, которые после закрытия их храмов были вынуждены работать регентами в храмах еще действующих). Среди канонизированных к настоящему времени новомучеников есть два очень талантливых музыканта. Один — протоиерей Георгий Извеков, который после окончания Киевской Духовной академии учился музыкальному искусству в Европе, где служил в причтах русских храмов, а в послеоктябрьские времена, вплоть до 1937, когда был расстрелян на Бутовском полигоне, занимался разной музыкальной работой, немало сочиняя по заказам регентов Москвы и других городов. Второй — Михаил Лебедев, архиерей Патриарха Тихона, один из самых любимых петроградских, а потом московских диаконов эпохи 1920-х (незадолго перед расстрелом в 1930 он принял священство). Им посвящаются в книге отдельные очерки.

Духовные концерты в 1930-е, конечно, стали категорически невозможны. На остававшихся клиросах пели то, что отложилось на них в предшествующие времена. И так продолжалось до послевоенного периода — эпохи, пусть недолгого, церковного возрождения (вернее — относительно мирного сосуществования Церкви и государства), о котором подробнее пойдет речь во второй книге тома. Однако и в тридцатые годы — вопреки всему — появлялись и, что самое удивительное, исполнялись в храмах новые композиции: примеры этого будут приведены в книге.

Следующий период начинается с восстановлением патриаршества, то есть в 1943, а кончается во второй половине 1980-х, с празднованием 1000-летия Крещения Руси и, по сути, вместе с концом советской власти (что произошло тремя годами позже). Есть в нем и внутренние подразделения.

Так, для общецерковной истории очень существенная хронологическая веха связана даже не столько со смертью И. В. Сталина в 1953, сколько с гонениями на Церковь в годы правления Н. С. Хрущева (1958—1964); для пения эти гонения тоже имели большое значение — и ввиду нового обвального закрытия и уничтожения храмов, и ввиду огромных налогов, которые часто препятствовали сохранению профессиональных хоров.

Кроме того, этот период в церковно-певческом отношении естественно делится надвое по патриаршествам Алексия I и Пимена, то есть с гранью в 1970 году. Регенты с большим церковным стажем, мемуаристы, описывающие ту эпоху, отчетливо проводят такую грань, объясняя дело, помимо всего прочего, разницей во вкусах двух святителей, из которых один, Патриарх Алексий, имел строгие взгляды

на пение, восходящие к решениям Поместного Собора 1917—1918 годов, а другой, Патриарх Пимен, бывший в молодости прекрасным соборным регентом, имел взгляды более широкие, по крайней мере в отношении репертуара.

От послевоенного периода уже сохранились звукозаписи церковных хоров (начиная с середины 1940-х), в это время уже действуют духовные школы, возобновляется монастырская певческая традиция. Возобновляется и постепенно расширяется научное осмысление церковно-певческого искусства, пока почти исключительно — древнего его периода, иногда XVIII века, исполнение отдельных образцов в светских концертах, издание памятников.

Обо всем этом пойдет речь во второй книге, по проблематике которой будет написана специальная вступительная статья.

* * *

Если иметь в виду высокое искусство, продолжавшее расцвет русского церковного пения в первые десятилетия XX века — так называемое Новое направление, то круг имен окажется весьма тесен как в России, так, кстати, и в зарубежье. В течение 1920-х ушли из жизни или покинули Россию большинство выдающихся церковно-певческих деятелей предшествующего периода. Своего рода «мартиролог» по этому десятилетию читатель найдет в упомянутой выше статье С. Г. Зверевой в V томе РДМ. Если говорить о композиторах, то это — С. В. Рахманинов (уехал в 1917), А. Т. Гречанинов (уехал в 1925), А. Д. Кастальский (умер в 1926), Н. Н. Черепнин (уехал в 1918), А. А. Архангельский (умер в 1924), о. Михаил Лисицын (умер в 1918), о. Димитрий Аллеманов (умер в 1928), Виктор Калинин (умер в 1927), К. Н. Шведов (уехал в 1925), А. Г. Чесноков (уехал в 1925). Если говорить о крупных ученых, то это — о. Василий Металлов (умер в 1926), А. В. Преображенский (умер в 1929), Н. Ф. Финдейзен (умер в 1928). Некоторые из уехавших за рубеж авторов (Гречанинов, Черепнин, Шведов) продолжали сочинять церковные композиции, но это другая тема.

В России, как уже упоминалось, в 1928 перестали регентовать и сочинять Павел Чесноков и Александр Никольский (оба они до 1928 создали ряд духовных произведений, о которых будет сказано в данной книге); Н. М. Данилин вынужденно сосредоточился на светском хоровом дирижировании. Из больших мастеров, выдвинувшихся до 1917 и оставшихся в России, продолжал сочинять духовную музыку вплоть до начала 1950-х великий русский дирижер Николай Голованов; сочинял он, разумеется, «в стол»: его духовные хоры были впервые опубликованы в наше время.

Начиная с середины 1920-х, никакая православная духовная музыка в России не издавалась, а к концу 1920-х официально и вообще не существовала (в двадцатых еще предпринимались попытки частной издательской деятельности — путем гектографирования или переписки от руки отдельных композиций и рассылки их интересующимся лицам — см. в разделах «Драмсоюз» и «Издательская деятельность»).